

В учебнике математики тоже были заметки Шэнь Чэна на темы, которые нужно было проработать. Хотя внешне он был суров, в его отсутствие Шэнь Чэн всё же помогал ему с подготовкой и исправлял ошибки.

Дверь ванной скрипнула.

Юноша, почистивший зубы и умывшийся, вышел. В комнате витал аромат лапши, Толстяк стоял под тёплым светом лампы и помахал ему рукой:

— Представитель, иди сюда, я принёс тебе поесть.

До того, как Цзянь Шиу поднялся наверх, Шэнь Чэн уже представлял, что тот может рассердиться.

Возможно, даже сегодня вечером он уйдёт в другую комнату и больше не вернётся. Что бы ни случилось, он был готов принять это.

Но он не ожидал, что Цзянь Шиу, уже испытав его непостоянный характер, не отвергнет его, не испугается, не отдалится.

Шэнь Чэн медленно подошёл и остановился у стола, увидев миску с неказистой лапшой, с разноцветными овощами и подгоревшим яйцом.

Цзянь Шиу улыбнулся:

— Условия не ахти, сойдёт?

Шэнь Чэн взглянул на его покрасневшие руки. Раньше они были белыми и мягкими, но теперь стали красными от работы. Это явно была ручная лапша, неровно раскатанная, что указывало на неопытность. Он произнёс, голос его был низким и хриплым:

— Ты сам сделал?

Толстяк почесал затылок, смущённо:

— Ну, вроде того.

— Ах да, — он вытащил из кармана то, что тайком взял, и с надеждой посмотрел на Шэнь Чэна.

— Смотри! Сюрприз, не ожидал?

Шэнь Чэн увидел, что в пухлой руке Цзянь Шиу лежали две свечи. Не просто белые свечи, а довольно толстые, похожие на те, что используют для освещения.

Толстяк тихо сказал:

— Я долго искал их на кухне, давай зажжём их и загадаем желание.

На самом деле это было рискованно, он боялся, что Шэнь Чэну это не понравится, но юноша спросил:

— Ты собираешься воткнуть их в лапшу?

?

Рука Цзянь Шиу, держащая свечи, дрогнула.

Он посмотрел на миску с лапшой на столе и чуть не сглотнул. Когда он принёс её, он не думал об этом, но сейчас...

Цзянь Шиу предложил:

— Может, поставим свечи перед миской?

При свете лампы глаза Шэнь Чэна, казалось, светились улыбкой:

— А за миской поставим фотографию?

Цзянь Шиу на секунду замер, а затем рассмеялся.

Хотя и немного разочаровался, он всё же убрал свечи:

— Тогда не будем зажигать.

Шэнь Чэн, увидев его разочарование, взял свечи:

— Зажжём их в руках, принеси зажигалку.

Цзянь Шиу обрадовался, в его глазах загорелся яркий огонёк, и он достал зажигалку из кармана:

— Уже готов!

Это был очень странный ритуал загадывания желания, но в итоге, благодаря усилиям двух юношей, слабый жёлтый свет свечей медленно загорелся в комнате. Это был первый настоящий день рождения Шэнь Чэна за 14 лет, и в этот день в старой гостинице зажглись две белые свечи.

Цзянь Шиу сидел за столом, его круглое лицо было полным надежды, он сказал:

— Нужно загадать желание.

Шэнь Чэн сидел за столом, его чёрные глаза спокойно смотрели на пламя свечи. Юноша молчал, а затем задул свечи.

Цзянь Шиу, сидя рядом, с любопытством спросил:

— Что ты загадал?

— Ты сможешь исполнить его?

— А? — Толстяк почесал затылок. — Не уверен.

Шэнь Чэн отвёл взгляд:

— Тогда зачем спрашиваешь?

...

Толстяк не нашёлся, что ответить.

Но общаясь с Шэнь Чэном, нужно привыкать к таким вещам, он сменил тему:

— Ешь лапшу, а то она раскиснет и станет невкусной.

Шэнь Чэн кивнул и взялся за миску с лапшой.

Стрелки часов на стене тикали, уже было довольно поздно, дождь снаружи постепенно прекратился. Он ел лапшу, а Цзянь Шиу просто тихо наблюдал, даже с некоторым ожиданием:

— Вкусно?

Шэнь Чэн положил палочки и вместо ответа спросил:

— Ты не ел?

Он думал, что Цзянь Шиу поел, пока был внизу.

Толстяк, казалось, только сейчас осознал это, смущённо:

— Я так занялся, что забыл про голод, а когда приготовил лапшу, боялся, что она раскиснет, и сразу принёс.

Шэнь Чэн спросил:

— В кастрюле ещё осталось?

Цзянь Шиу хотел сказать, что немного осталось, но он не знал, съел ли её Цзи Бэйчуань.

На самом деле он действительно ненавидел Цзи Бэйчуаня, тот был злым и язвительным, постоянно с ним спорил, это очень раздражало.

Но, видя, как тот смотрел на лапшу с таким желанием, в какой-то момент Цзянь Шиу словно увидел себя.

В прошлой жизни он тоже был противным ребёнком, многие его ненавидели, и в конце он потерял многое. Он смутно понимал, что был неправ, он хотел быть прощённым, хотел, чтобы его вернули. Как и Цзи Бэйчуань за столом, он тоже хотел получить немного доброты, но в конце, когда его семья погибла, когда он мчался под дождём, он так и не дождался.

Голос Цзянь Шиу был слегка охрипшим от грусти:

— В кастрюле, наверное, ничего не осталось.

Шэнь Чэн посмотрел на часы на стене:

— В это время хозяйка, наверное, уже спит.

— Ничего, — Цзянь Шиу подпер голову рукой, его большие круглые глаза смотрели на Шэнь Чэна, пухлое лицо было бледным, он приблизился. — Я как бы на диете, мне кажется, я немного похудел, ты как думаешь?

Они были близко.

От Толстяка исходил лёгкий молочный аромат, его дыхание было лёгким, но когда оно

касалось Шэнь Чэна, тот напрягся.

Шэнь Чэн сказал:

— Не думаю.

?

Цзянь Шиу скривился и отодвинулся.

Шэнь Чэн не стал продолжать есть лапшу, а встал, достал из ящика коробку с лапшой быстрого приготовления, открыл её, вынул брикет и разделил лапшу из миски пополам, переложив половину в чашку, и протянул Цзянь Шиу:

— Ешь.

Цзянь Шиу был в шоке:

— Это же твоя лапша долголетия, как я могу её есть?

Шэнь Чэн держал в руках свою половину, он взял палочки и откусил:

— Я разве не ем?

— Ешь.

— Тогда в чём проблема?

...

В этом был смысл.

На самом деле он был шокирован не этим, а тем, что Шэнь Чэн поделился с ним лапшой, что он нашёл ему еду, потому что тот был голоден, что помогал ему с учебой. В прошлой жизни их отношения были на грани, если бы он умер перед Шэнь Чэном, тот даже бровью бы не повёл. Холодность этого мужчины даже сейчас, вспоминая, заставляла Цзянь Шиу дрожать.

Он так жаждал этого.

Как тёмный мох в углу, жаждущий солнечного света, как неуклюжий поросёнок, мечтающий побегать на просторе, как забытая игрушка на полке, покрытая пылью, которая хочет, чтобы её нежно погладили.

Потому что он не мог этого получить, он совершал много глупостей.

Цзянь Шиу взял вилку, опустил голову и тихо сказал:

— Тогда я съем.

Шэнь Чэн положил ему жареное яйцо, его голос был твёрдым и давал чувство спокойствия:

— Это для тебя, ешь.

Цзянь Шиу на секунду замер, а затем тихо засмеялся.

...

На следующий день

Травма ноги Гао Цань уже зажила настолько, что она могла ходить, и прибыла полиция.

Поскольку доказательства по этому делу были очень убедительными, процесс расследования был относительно простым. Когда полиция приехала, все находились в больнице, включая Цзи Бэйчуаня.

Возможно, она уже ожидала такого исхода, Гао Цань не выразила особого удивления или реакции, но когда полицейские надели на неё наручники и собирались увести, она сказала:

— Товарищ полицейский, я хочу поговорить с сыном, быстро, всего минуту.

Полицейский оглянулся.

Цзи Бэйчуань стоял у двери, издалека смотря на Гао Цань. Раньше он действительно её ненавидел, но теперь, когда она собиралась уйти, он вдруг не чувствовал такого отвращения. Он сказал полицейскому:

— Дядя, быстро.

Полицейский вышел из комнаты, ещё раз предупредив:

— Быстрее.

Дверь закрылась, и в комнате воцарилась тишина.

Цзи Бэйчуань с неохотой посмотрел на неё:

— Что ты хотела сказать?

<http://bllate.org/book/16727/1538304>